

П. И. Гайденко

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА ЦЕРКОВНЫХ СУДОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ПОНИМАНИИ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЁНЫХ

(отзыв на статью Д. В. Волужкова
«Профессор Санкт-Петербургской духовной академии
Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви
(на материале статей в журнале
„Христианское чтение“ 1870–73 гг.)»)

В 70-х гг. XIX в. в условиях Великих реформ была предпринята попытка проведения реформы церковных судов в Российской Церкви. С этой целью был создан специальный Комитет, одним из деятельных участников которого стал профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т. В. Барсов. Осознавая необходимость преобразований в области церковных судов, Барсов опубликовал несколько статей. В наши дни пристальный интерес к его творческому наследию был проявлен исследователем в области церковного права Д. В. Волужковым. В одном из номеров «Христианского чтения» им была опубликована развернутая статья, посвященная детальному разбору каноническо-правовых взглядов Т. В. Барсова. Представленный современным исследователем взгляд на интеллектуальное наследие Т. В. Барсова не только позволил Д. В. Волужкову реконструировать некоторые его идеи, но и вывести читателей на ряд проблем организации судов в дореволюционной России. Настоящая статья является отзывом на работу Д. В. Волужкова.

Ключевые слова: история Русской Церкви, Т. В. Барсов, Комитет по преобразованию судной части духовного ведомства, духовный (церковный) суд, реформа церковных судов в России, церковное право, каноническое право.

В первом номере «Христианского чтения» за текущий 2019 год была опубликована примечательная и заслуживающая внимания широкого круга исследователей статья Дмитрия Владимировича Волужкова «Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви (на материале статей в журнале „Христианское чтение“ 1870–73 гг.)» (Волужков, 2019). Работа посвящена анализу канонических и юридических взглядов Т. В. Барсова на организацию церковного суда в период Великих реформ Александра II. Согласно правилам жанра, от представленного Д. В. Волужковым очерка можно было бы ожидать традиционного историографического обзора, соответствующего церковной интеллектуальной традиции и призванного отразить один из этапов в творчестве знаменитого русского канониста. Однако результаты проделанного труда, как это представляется, оказались значительно более интересными. Затронутые автором статьи проблемные аспекты охватили не только творчество петербургского ученого, но и вывели читателей на круг тем, которые крайне редко становятся предметом глубокой научной рефлексии, поскольку затрагивают неоднозначные стороны каноническо-правового сознания в Российской Церкви второй половины XIX в., её канонического строя, а также

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (prof.gaydenko@rambler.ru).

крайне непростых отношений между церковной академической средой и высшей российской иерархией по острым вопросам современной им церковной жизни. Ценность идей и наблюдений, высказанных в статье Д. В. Волужкова, таковы, что делают результаты проделанного им труда значимыми и безусловно интересными.

Действительно, в последние годы труды, да и сам образ выдающегося исследователя церковного права Т. В. Барсова уже несколько раз оказывался в центре внимания исследователей. Это касалось как самой юридическо-канонической деятельности выдающегося учёного в составе специально созданного 12 января 1870 г. Комитета, о котором писал Д. А. Карпук (Карпук, 2017), так и неоднозначных обстоятельств жизни и творчества ученого на этапе защиты докторской (Ермилов, 2016). Все эти исследования в полной мере демонстрируют ту непростую атмосферу, в которой трудились академические профессора в пореформенное время в России. Сложность положения академических профессоров XIX в. во многом возникала из-за специфической культуры церковной академической среды, в которой учёный или преподаватель, с одной стороны, мог быть облагодетельствован всеми мыслимыми знаками внешнего почтения, что, несомненно, весьма ценилось в кругу церковных профессоров, с другой — рассматривался церковными иерархами, как правило, крайне далёкими от науки, формально, через призму наград и званий, т. е. в качестве церковного чиновника, статус которого всецело зависел от испытываемого к нему расположения со стороны высшей иерархии. Такое число условностей делало академического профессора уязвимым, обязывая его проявлять крайнюю осторожность в своих научных изысканиях, общественной деятельности и в высказываниях. Именно в этой непростой ситуации оказался Т. В. Барсов, когда был включён в состав Комитета.

Несмотря на то, что Комитет пользовался всемерной поддержкой обер-прокурора Д. А. Толстого и благосклонностью архиепископа Макария (Булгакова), его работа оказалась под острой критикой оппонентов, небезосновательно усматривавших в начинаниях сторонников реформы намерение ослабить архиерейское влияние на церковные суды и предоставить последним широкую независимость. Вдохновителем этих возмущений стал профессор Московской духовной академии А. Ф. Лавров, издавший по этому поводу целую апологию (Лавров, 1873). При том, что в сторонниках преобразований видели «либералов», такая оценка их позиции едва ли верна. Несомненно, предпринятые начинания вполне вписывались в систему реформ эпохи царствования Александра Николаевича, однако инициативы членов Комитета отражали опыт церковной жизни, отвергать который стало бы очевидной ошибкой. В результате дело приобрело крайне щекотливый и даже политический оборот, поскольку затрагивало основы епископского управления. Поэтому сторонники «либеральных» преобразований, к числу которых можно было отнести и профессора Т. В. Барсова, стремившиеся к изменениям в системе церковного суда, пребывали в крайне затруднительном положении, а их деятельность нуждалась в существенном обосновании.

К началу работы Комитета церковный суд в России, представляя собой результат системы церковно-правовых отношений времен преобразований Петра Великого и введения в действие Духовного Регламента, оставался глубоко формальным институтом, действовал в рамках работы Консисторий и почти неограниченных полномочий правящих архиереев. Высшая судебная власть в Церкви принадлежала Святейшему Синоду. При этом в своих действиях и решениях суд исходил из норм, представлявших странную эклектическую смесь государственных законов, касавшихся деятельности Церкви, канонических норм, восходивших к эпохе Вселенских Соборов, и норм, воспринятых из русской церковной древности. В результате церковный суд в России не был ни независимым, ни состязательным, ни гласным, не предполагал института защитников (адвокатов), а сами его процедуры не давали обвиняемому никаких шансов для оправдания и смягчения участи. По сути, в той форме, в которой церковный суд сохранился к 1870-м годам, он представлялся духовенству и значительной части паствы орудием не христианской справедливости и установления истины, а инструментом демонстрации безграничных возможностей церковной

власти и её обладателей. Вполне очевидно, что состояние дел в Церкви и новые общественные реалии, затронувшие жизнь духовенства и самого духовного сословия в целом, требовали перемен и принятия неотложных мер, в том числе в области церковного судопроизводства.

Вместе с этим члены Комитета — как члены Церкви — прекрасно осознавали необходимость недопущения обмирщения церковного суда и стремились его сохранить в качестве соборного суда Церкви. В сложившихся условиях с целью обозначить и разъяснить свою позицию по тем или иным вопросам церковного управления, в том числе церковного суда, Т. В. Барсов опубликовал целый цикл статей (Барсов, 1873; Барсов, 1870). Все вместе они позволяют увидеть не только тревожившие церковное сознание проблемы, о которых духовенство и миряне хорошо знали, но и большее — причины появления и способы устранения этих тревожных явлений. Безусловно, главной из этих проблем был вопрос о состоянии церковных судов. Нет необходимости доказывать, что жизнеспособность любого общества определяется тем, насколько оно способно обеспечить справедливость разбираемых в нём споров и конфликтов. В равной мере это касается и церковного общества. Однако, как и всё в России, решение имевшихся затруднений выходило за рамки обычных процедур и приобретало общественно-политический характер. В значительной мере это объяснялось тем, что реформа церковного суда затрагивала интересы епископата, что позволяло консервативной части Комитета и их сторонникам обвинить инициаторов реформ в покушении на основы Церкви.

Таким образом, перед Т. В. Барсовым стояла крайне сложная задача — обосновать необходимость церковных преобразований, исходя не из потребностей реформируемого российского государства и его институтов, а из опыта самой Церкви. При этом для ученого было крайне важно показать, что отделение суда от епископата не только не нарушало древних прав архиереев, но и показывало важность святительского присутствия в системе канонических и судебных отношений российского православия. Правда, справедливости ради необходимо признать, что вторая задача обладала казуистичностью и была внутренне противоречивой, внося некоторую путаницу в систему приводимых исследователем обоснований. От профессора Т. В. Барсова ожидалась предельная осторожность высказываний, поскольку решение о начале реформы могло быть принято только при условии её одобрения со стороны большинства архиереев. В результате при создании своей работы, посвящённой церковному (духовному) суду в России, петербургский профессор был вынужден проявлять предельную аккуратность. Предложив широкий и глубокий обзор вопросов, касавшихся сути и природы церковного (духовного) суда, при вынесении суждений о перспективах развития этого важнейшего института ученый предпочел предусмотрительно отказаться от систематизации своих представлений о необходимых преобразованиях. Как совершенно точно подметил Д. В. Волужков, в структуре статей-предложений Т. В. Барсова отсутствует важная часть: «в схеме отсутствует важнейшее, ожидаемое нами звено — конкретные, четко сформулированные предложения самого Барсова для реформы суда» (Волужков, 2019, 120).

Реконструкции и анализу этих предложений и посвящена статья Д. В. Волужкова, который, к его чести, в полной мере разрешил стоявшую перед ним проблему систематизации канонических воззрений Т. В. Барсова на различные аспекты организации и функционирования церковного суда в Российской Церкви. Важность такого анализа видится самоочевидной. Во-первых, даже в современных условиях вопросы организации и функционирования церковного суда остаются малоизученными и представляют серьёзную сложность, как с точки зрения канонического права, так и с позиции законодательства Российской Федерации. Во-вторых, необходимо учесть то, что Т. В. Барсов — один из авторитетнейших знатоков церковного права, а отмеченные им проблемные стороны жизни Церкви и по сей день не устранены, сохранив свою остроту и актуальность. Поэтому рассмотрение взглядов Барсова приобретает особую ценность, поскольку отражает мнение не только выдающегося учёного,

но и, в его лице, значительной части наиболее образованных представителей церковного общества в России второй половины XIX в. Отмеченные обстоятельства обязывают всякого интересующегося проблемами церковных судов в России внимательно ознакомиться с мнением петербургского академического профессора.

Несомненно, проделанная Д. В. Волужковым работа видится крайне интересной, поскольку рассуждения Барсова о церковном суде и о его природе, с одной стороны, являлись теоретическим осмыслением «духовного суда» как института, а с другой стороны, отражали интеллектуальные искания, призванные оправдать необходимость реформы церковных судов. Правда, Барсов делал это в иной идейной плоскости, чем его светские коллеги, т. е. с опорой на канонические основания, а не на запрос политической конъюнктуры времени. По мысли выдающегося канониста, реформа должна была приобрести не «либеральное», а церковное содержание, как это точно подметил Д. В. Волужков (Волужков, 2019, 121). Барсов говорит о необходимости реформы с церковной публикой как правовед, но на языке Церкви. Между тем даже в этих теоретических рассуждениях многое остаётся без пояснений, позволяя читателю принимать прочитанное априори. Например, Барсов, судя по всему руководствуясь полемической предосторожностью, уклонился от различения понятия «духовного» и «церковного» суда. Не поясняет он, собственно, и то, что есть «церковный суд», а также — как он формируется и кто выступает в нем от имени «Церкви», помимо епископа. Всё сказанное об этом во многом имеет самый общий характер. Однако Д. В. Волужков отметил стремление Барсова связать церковный суд с новозаветными практиками первых христианских общин и вывести его из «открытой исповеди подсудимого», что, собственно и придавало этому суду в апостольскую эпоху некоторую «бесформенность» (Барсов, 1870, № 9, 487; Волужков, 2019, 122).

Заочно полемизируя о сближении форм церковного и светского суда, Барсов не упоминает, что Российская империя — это всё же христианское государство, вся система законодательства которого по форме хоть и была заимствована в Западной Европе, но по системам ценности ориентировалась на религиозные идеалы православия. В этом отношении Барсов рассматривает процесс формирования церковных судов в Римской империи при имп. Константине и его преемниках в качестве своего рода сотрудничества церковной и светской властей. Д. В. Волужков весьма точно заметил, что Барсов, допустив возможность связи церковного суда с судебной системой Римской империи, уклонился от глубокого обоснования высказанного им тезиса (Волужков, 2019, 122). При этом безусловный интерес представляет стремление Д. В. Волужкова проанализировать выведенные проф. Барсовым принципы древнего церковного судопроизводства. Он предложил свой комментарий сформулированных Барсовым принципов:

1. Принцип постепенного и последовательного развития суда (основанного на общих законах развития Церкви);
2. Возможность усвоения форм светского судопроизводства (если это не противоречит христианству);
3. Принцип независимости в пределах своей юрисдикции;
4. Принцип „разнообразия инстанций“ применительно к статусу лиц, привлекаемых к суду;
5. Право отвода и избрания судей, при этом принятые ими решения не обжалуются;
6. Главный судья в епархии — епископ, но для отправления правосудия обязательно есть пресвитерский совет;
7. Делегирование полномочий „главным представителем духовного суда“;
8. Равное для клириков и мирян право на защиту, при этом для высшей иерархии число апелляционных инстанций меньше, чем для стоящих ниже;
9. Принцип гласности и открытости суда. Личное присутствие подсудимых, обвинителей и свидетелей — обязательно;
10. Неявка в суд обвинителя либо подсудимого без уважительных причин не влияет на вынесение приговора;

11. Принцип непосредственности исследования дела судьями;
12. Отсутствие системы формальных доказательств, особое значение свидетельских показаний (признание их несомненной достоверности);
13. Решение суда может быть изменено лишь высшей инстанцией;
14. Подсудность по месту пребывания обвинителя;
15. Невмешательство государственной власти в дела церковного судопроизводства (Барсов, 1870, № 10, 624–626; Волужков, 2019, 121–124)».

В целом соглашаясь с мнением Д. В. Волужкова, считаем, что некоторые данные им пояснения видятся дискуссионными. Впрочем, именно эта неоднозначность высказанных Барсовым соображений и позволяет лучше всего понять всю сложность работы Комитета и стоявших перед ним задач. Например, комментируя **принцип постепенного и последовательного развития суда**, Д. В. Волужков предположил, что «тем самым [Барсов. — П. Г.] показывает необходимость именно постепенной и последовательной реформы суда, которая не должна носить „взрывной“ характер» (Волужков, 2019, 122). Допуская возможность такого понимания барсовской мысли, нельзя исключать и того, что учёный мог говорить и об ином — о том, что институт церковного суда не был неизменным и трансформировался в соответствии с историческими реалиями и национальными правовыми традициями. Собственно, отмеченная способность церковного суда принимать формы светского правосудия была развита Барсовым в его втором принципе, что вполне обоснованно отмечено самим Д. В. Волужковым (Волужков, 2019, 122). Таким образом, более верной видится следующая интерпретация — Барсов вполне обоснованно отметил, что институт церковного суда постоянно эволюционировал, впитывая в себя опыт внешнего мира, что совершенно не противоречит самой природе Церкви и не вступает в конфликт с церковной традицией.

Не менее интересным видится **принцип «разнообразия инстанций» применительно к статусу лиц, привлекаемых к суду**. Комментируя данный принцип, Д. В. Волужков отметил, что Барсов уклонился от комментария выдвинутого им тезиса. Пытаясь понять мысль Барсова, исследователь вполне резонно обратился к современной аналогии — современной конституционной норме о равенстве граждан перед судом. Тем самым Д. В. Волужков усмотрел в позиции профессора Барсова внутреннее противоречие. Однако и приведённый Д. В. Волужковым конституционный принцип также не видится достаточно убедительным. Как это вытекает из норм современного конституционного права и законодательства в целом, равенство всех граждан перед судом не исключает того, что данный принцип реализуется по-разному. Например, крайне сложно привлечь к какому-либо суду Президента Российской Федерации. Это может быть сделано только Советом Федерации на основании обвинения, выдвинутого со стороны Государственной Думы при вынесении соответствующих решений Верховным и Конституционными Судами (Конституция РФ, Ст. 91; 93 ч. 1). Фактически недоступными для привлечения к суду являются действующие члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, которые могут быть привлечены к суду только после снятия с них депутатской неприкосновенности (Конституция РФ, Ст. 98 ч. 1). Однако даже на обыденном уровне ситуация неоднозначна. Например, одинаковые по содержанию преступления, совершенные в армии (на военном флоте) и в обычной «гражданской» жизни подпадают под действие различных судов и, что немаловажно, имеют совершенно различные последствия для подсудимых. То есть даже демократические принципы и процедуры не исключают иерархического принципа. Что же касается ситуации в Церкви, то, если принять во внимание особый статус епископа как князя Церкви, как преемника апостолов, чей образ формировался на протяжении всей истории христианства, то церковный суд над архипастырем представляется более сложным и трудным делом, поскольку последствия подобного суда нередко имеют не только канонические, но и иные, в том числе мировоззренческие и даже политические последствия. Таким образом, высказанный Т. В. Барсовым принцип ничуть не вступал в противоречие с ценностями либерального общества.

Наконец, некоторое возражение вызывает комментарий Д. В. Волужкова относительно **невмешательства государственной власти в дела церковного судопроизводства**. Исследователь высказывается об этой мысли Т. В. Барсова следующим образом: «Невмешательство государственной власти в дела церковного судопроизводства может быть нами расценено скорее как либеральный месседж молодого профессора Барсова в адрес государства, однако едва ли Тимофей Васильевич готов был серьезно обсуждать этот принцип в рамках существующей синодальной системы» (Волужков, 2019, 124). Однако предложенное Д. В. Волужковым понимание встречает, по меньшей мере, три возражения. Во-первых, запрет членам Церкви обращаться к внешнему суду можно встретить в одном из Апостольских посланий: *«Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела»* (1 Кор 6:1–11). Во-вторых, крайне негативно к внешнему, государственному суду при решении спорных вопросов церковной жизни относятся и нормы эпохи Вселенских Соборов. 9-е правило IV Вселенского Собора недвусмысленно устанавливает для клириков запрет обращаться к внешнему суду: *«Аще который клирик с клириком же имеет судное дело: да не оставляет своего епископа, и да не перебежает к светским судилищам. Но сперва да производит свое дело у своего епископа, или, по изволению того же епископа, избранные обеими сторонами да составят суд. А кто вопреки сему поступит: да подлежит наказаниям по правилам»* (Никодим, Т. 1, 1912, 349–358). Аналогичный запрет можно встретить в одном из постановлений Карфагенского Собора. 15 правило этого Собора устанавливает следующее: *«Разсуждено такожде, чтобы кто бы то ни был из епископов, или пресвитеров, или диаконов, или причетников, аще имея возникшее в Церкви дело обвинительное или тяжбное, отречется от церковного суда, и восхоцет оправдаться пред судилищами светскими, лишался своего места, хотя бы и в пользу его решение последовало. И сие по делу обвинительному, по делу же тяжбному да лишается того, что приобрел по решению дела, аще хоцет удержати место свое»* (Никодим, Т. 2, 1912, 157–160). Наконец, в-третьих, запрет на вмешательство государства в церковный суд присутствует в древнерусских княжеских уставах Церкви. Здесь, правда, необходимо заметить одну крайне уязвимую сторону работы, проделанной Т. В. Барсовым.

Создав объёмный по охвату тем и глубокий по проработанности затронутых проблем очерк суда в Древней Церкви, Барсов оказался не вполне убедительным, поскольку не сумел в полной мере связать судебную практику Апостольского времени и эпохи Вселенских Соборов с деятельностью и историей церковных судов в России. В предложенной Барсовым работе этой части явно не хватает. Отсутствии данного звена в цепи рассуждений профессора в значительной мере ослабляет его доводы и приводимую аргументацию. Безусловно, стремление ученого опереться на древнейшие канонические нормы и практики — сильная сторона рассуждений Барсова, однако церковный суд на Руси развивался иными путями. В результате без оценки этого опыта высказываемые Барсовым идеи действительно видятся не столько давно назревшей необходимостью развития церковного Предания в области канонических отношений, сколько отражением либеральных устремлений профессора-идеалиста.

Совершенно верной видится оценка, которую дал Д. В. Волужков воззрениям Барсова на взаимоотношение суда и церковной администрации. Т. В. Барсов абсолютно точно указал, что главной проблемой неэффективности церковных судов являлась их тесная связь с епископатом и его администрацией в той форме, в какой суды подошли ко времени Великих реформ. Отмеченное положение епископата и консисторий в итоге и являлось стержнем церковных судов старого типа. Решение проблемы Барсов видел не только в устранении монархического архиерейского влияния на работу церковных судов, но и в возвращении в деятельность судов принципов соборности, закрепленных в правилах Вселенских Соборов. При этом Д. В. Волужков обоснованно отметил, что, несмотря на всю «радикальность» высказанных предложений, Барсов не только исходил из древней практики Церкви, но проявлял

в отношении архиереев предельную тактичность и понимание природы святительской власти (Волужков, 2019, 125–126).

Не менее интересным видится подмеченное Д. В. Волужковым стремление Барсова вернуть в работу церковных судов евангельские принципы постепенности судебного процесса и соборности: «если же согрешит против тебя брат твой, пойдя и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф 18:15–17). Комментируя указанные идеи петербургского профессора, современный исследователь высказал совершенно резонные возражения. «Такое толкование более всего напоминает попытку произвольно связать устройство римского и современного Барсову светского суда с евангельским текстом. Это тем сильнее бросается в глаза, что Барсов в своем толковании по непонятной причине упускает из виду другого ключевого участника светского процесса — защитника, которого он, разумеется, и не может найти в словах Христа. Дело, по нашему мнению, не в том, что Барсов не юрист по образованию и потому запамятовал важнейшую фигуру судебного процесса. Скорее речь может идти об увлечении Барсовым самой идеей найти в словах Христа основания не просто для существования духовного суда как такового, а именно для его реформирования по светской — в том числе современной — модели, каковое мнение Барсова следует признать ошибочным» (Волужков, 2019, 126–127).

Не будет преувеличением признать, что, предложив анализ статей одного из выдающихся российских исследователей церковного права Т. В. Барсова, Д. В. Волужков сумел преодолеть границы историографического жанра и создал оригинальную работу, претендующую на долгую самостоятельную научную жизнь. Действительно, волновавшие Барсова проблемы как научного, так и практического свойства по-прежнему актуальны. Представляется, что появлению столь тщательного анализа немало способствовало то, что Д. В. Волужков, в отличие от большинства своих коллег, — юрист, что, собственно, и позволило придать тексту структурность, а мысли — отточенную ясность. В этом отношении реконструированные Д. В. Волужковым идеи академического профессора остаются неразрешёнными и в наши дни.

Во-первых, по-прежнему остаются неразрешёнными большинство проблем, связанных с организацией церковного суда, как в институционально-каноническом, так и процессуальном отношении. Причем клубок этих проблем, несмотря на предпринятые в современной Церкви усилия по организации церковных судов, не только не уменьшился, но и даже увеличился. Не является тайной то, что не только в кругу самого церковного общества, но и в среде юристов множество затруднений вызывает как понимание самой отрасли церковного права, так и согласование ее деятельности с действительной жизнью Церкви. Достаточно заметить, что, убеждённо применяя систему наказания, сформировавшуюся в эпоху поздней античности, а также Раннего и Высокого Средневековья, церковные суды с такой же твердостью отвергают процедуры того времени, основанные на принципах соборности. Такое положение вещей по-прежнему лишает церковный суд доверия со стороны едва ли ни всех участвующих в нём сторон. В итоге как в конце XIX в., так и в начале XXI в. церковные суды остаются формальными органами реализации епископской власти, а их деятельность по множеству пунктов вступает в открытое противоречие с правилами Канонического Корпуса. Впрочем, даже в тех случаях, когда церковные суды или епископат апеллируют к постановлениям Соборов и правилам святых отцов, неразрешенной остается проблема того, применялись ли — и как именно применялись — эти прещения самими их создателями и какую функцию эти нормы несли при их появлении. С сожалением необходимо признать, что за всю историю русской церковной науки так и не создано единого обобщающего труда по истории церковных судов на Руси и в России. Фрагментарная изученность данной темы не способствует доверию ни к церковному суду, ни к тому, как пробуют разрешить сопутствующие его работе проблемы.

Во-вторых, вопрос реформирования церковных судов продолжает обладать не столько практической, сколько политической значимостью, поскольку стержнем проблемы организации или реорганизации церковных судов остается вопрос о месте епископата и соборного представительства в этом институте. В современной России, как и на исходе XIX века, положение архиерея близко к монархическому статусу, в то время как усиление соборного начала продолжает рассматриваться в качестве покушения на епископские права и умаление святительского достоинства.

В-третьих, реформирование церковных судов не будет эффективным без согласования церковных норм с современными каноническо-правовыми реалиями настолько, насколько это соответствует принципам Церкви.

В-четвертых, как и в 70-х годах XIX в., приходится признать, что вопросы церковного права в основном решаются лицами, не имеющими юридического образования и разбирающимися в вопросах юриспруденции по большей части либо интуитивно, либо на уровне исторических аналогий. Уже давно назрела необходимость в подготовке специалистов, обладающих квалификацией в каноническо-правовой области. Преподавание церковного права в духовных семинариях и академиях должно быть преподаванием прежде всего самого *церковного права*. Наконец, необходимо восстановить практику научно-богословских защит по специализации церковного или канонического (если не вникать в дискуссию о различии терминов) права. Без разрешения данной задачи усилия по подготовке квалифицированных знатоков канонического права не достигнут положительного результата, а судебная реформа не сможет быть эффективно осуществлена. Надежды на подобные изменения видятся в тех начинаниях, которые предприняты в последние годы в Санкт-Петербургской духовной академии в области изучения, преподавания и актуализации проблем церковного права.

Таким образом, аналитическую статью Д. В. Волужкова можно рассматривать не только в качестве одной из удачных критических работ историографического содержания, но и в качестве приглашения к дискуссиям, связанным с совершенствованием каноническо-правовых институтов Церкви, а также пробуждения искреннего профессионального интереса к вопросам развития не только церковных судов, но всей каноническо-правовой системы российского православия.

Источники и литература

1. Барсов (1870) — *Барсов Т. В.* О духовном суде // Христианское чтение. 1870. № 9. С. 462–510; № 10. С. 587–626.
2. Барсов (1873) — *Барсов Т. В.* Речь, читанная в торжественном собрании Санкт-Петербургской духовной академии 17 февр. 1863 г. «О духовном суде в виду предположения духовно-судебной реформы» // Христианское чтение. 1873. № 3. С. 455–489.
3. Волужков (2019) — *Волужков Д. В.* Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т. В. Барсов о реформе духовного суда Русской Церкви (на материале статей в журнале «Христианское чтение» 1870–73 гг.) // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 119–130.
4. Ермилов (2016) — *Ермилов П., диак.* История присуждения докторской степени профессору Санкт-Петербургской духовной академии Т. В. Барсову // Христианское чтение. 2016. № 5. С. 245–265.
5. Карпук (2017) — *Карпук Д. А.* Митрополит Макарий (Булгаков) и деятельность Комитета по преобразованию судебной части в духовном ведомстве // Материалы VIII международной научно-богословской конференции, посвященной 70-летию возрождения Санкт-Петербургской Духовной Академии: в 2 ч. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. С. 87–107.
6. Конституция — «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции

РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

7. Лавров (1873) — Предполагаемая реформа церковного суда: [вып. 1–2]. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1873. VIII, 158, II с.; VIII, 458, III с.

8. Никодим. Т. 1. (1912) — Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.

9. Никодим. Т. 2. (1912) — Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: в 2 т. СПб., 1912. Т. 2. 639 с.

Pavel Gaidenko. The Failed Reform of Church Courts in Russia in the Late 19th Century. In the Understanding of St. Petersburg Scholars (Review of the Article by D.V. Voluzhkov “Professor of the St. Petersburg Theological Academy T.V. Barsov on the Reform of the Ecclesiastical Court of the Russian Church (based on articles in the journal “Khristianskoye Chteniye” in 1870–73)”).

Abstract: In the 70s of the 19th century during the Great Reforms, an attempt was made to reform church courts in the Russian Church. For this purpose, a special Committee was created, one of the active participants of which was T.V. Barsov, professor of the St. Petersburg Theological Academy. Aware of the need for transformation in the field of church courts, Barsov published several articles. Today, a keen interest in his creative heritage was shown by D.V. Voluzhkov, a researcher in the field of church law. In one of the issues of the “Khristianskoye Chteniye”, he published an article with detailed analysis of the canonical-legal views of T.V. Barsov. The view on the intellectual heritage of T.V. Barsov, presented by a modern researcher, not only allowed D.V. Voluzhkov to reconstruct some of his ideas, but also brought readers to a number of problems of court organization in pre-revolutionary Russia. This article is a review of the work of D.V. Voluzhkov.

Keywords: history of the Russian Church, T.V. Barsov, Committee for the Transformation of the Judicial Part of the Spiritual Department, ecclesiastical (church) court, reform of church courts in Russia, church law, canon law.

Pavel Ivanovich Gaidenko — Doctor of Historical Sciences, Professor of Kazan National Research Technological University (prof.gaydenko@rambler.ru).

Sources and References

1. Barsov (1870) — Barsov T.V. O dukhovnom sude [On the Spiritual Court]. *Khristianskoye Chteniye*, 1870, no. 9. pp. 462–510; no. 10. pp. 587–626. (In Russian).

2. Barsov (1873) — Barsov T.V. Rech', chitannaya v torzhestvennom sobranii Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii ekstraordinarnym professorom T.V. Barsovyim 17 fevralya 1873 goda. O dukhovnom sude, v vidu predpolozheniy dukhovno-sudebnoy reform [Speech, read in a solemn meeting in the St. Petersburg Theological Academy by extraordinary professor T.V. Barsov on February 17, 1873. On the spiritual court, in view of the assumptions of the spiritual and judicial reform]. *Khristianskoye Chteniye*, 1873, no. 3, pp. 455–489. (In Russian).

3. Voluzhkov (2019) — Voluzhkov D.V. Professor Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii T.V. Barsov o reforme dukhovnogo suda Russkoy Tserkvi (na materiale statey v zhurnale “Khristianskoye chteniye” 1870–73 gg.) [Professor of the St. Petersburg Theological Academy T.V. Barsov on the reform of the spiritual court of the Russian Church (on the material of articles in the journal Christian Reading 1870–73)]. *Khristianskoye Chteniye*, 2019, no. 1, pp. 119–130. (In Russian).

4. Ermilov (2016) — Ermilov P. Istoriya prisuzhdeniya doktorskoy stepeni professoru Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii T.V. Barsovu [The history of awarding a doctoral degree to

the professor of the St. Petersburg Theological Academy T. V. Barsov]. *Khristianskoye Chteniye*, 2016, no. 5, pp. 245–265. (In Russian).

5. Karpuk (2017) — Karpuk D. A. Mitropolit Makariy (Bulgakov) i deyatelnost' Komiteta popreobrazovaniyu sudebnoy chasti v dukhovnom vedomstve [Metropolitan Macarius (Bulgakov) and the work of the Committee for the transformation of the judiciary in the ecclesiastical department]. *Materialy VIII mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu vrozhdeniya Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii: v 2-kh chastyakh* [Materials of the 8th international scientific and theological conference dedicated to the 70th anniversary of the revival of the St. Petersburg Theological Academy: in 2 parts]. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Orthodox Church Theological Academy, 2017, pp. 87–107. (In Russian).

6. Konstitutsiya — «Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii» (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6–FKZ, ot 30.12.2008 N 7–FKZ, ot 05.02.2014 N 2–FKZ, ot 21.07.2014 N 11–FKZ). In: *Sobranii zakonodatel'stva RF*, dated 04.08.2014, no. 31, art. 4398. [The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 no. 6–FKZ, dated 30.12.2008 no. 7–FKZ, dated 05.02.2014 N 2–FKZ, from 11/21/2014 no. 11–FKZ). *Collection of the Legislation of the Russian Federation*, dated August 4, 2014, no. 31, art. 4398].

7. Lavrov (1873) — Predpolagayemaya reforma tserkovnogo suda: [vyp. 1–2] [Prospective Reform of the Church Court: [no. 1–2]]. St. Petersburg, 1873, VIII, 158, II p.; VIII, 458, III p. (In Russian).

8. Nicodemus Vol. 1. (1912) — Pravila Pravoslavnoy Tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, yepiskopa dalmatinsko-istriyskogo: v 2 t. [The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatia-Istria: in 2 vols]. St. Petersburg, 1912, vol. 1, 641 p. (In Russian).

9. Nicodemus T. 2. (1912) — Pravila Pravoslavnoy Tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, yepiskopa dalmatinsko-istriyskogo: v 2 t. [The Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatia-Istria: in 2 vols]. St. Petersburg, 1912, vol. 2, 639 p. (In Russian).